Оглавление

Предисловие к русскому изданию Андрея Чеглакова 7
Предисловие к русскому изданию Павла Хилова
ХИЩНИЧЕСКАЯ ЭКОНОМИКА, УПРАВЛЯЕМАЯ НОВОЙ ПЛУТОКРАТИЕЙ 9
Предисловие автора
ВОПРОС 11
Введение
ЗДАНИЕ — ЭТО ПОСЛАНИЕ 13
Глава 1
СЕТЬ 21
Глава 2
ДЕНЬГИ 38
Глава 3
РАЗРУШЕННАЯ СЕРДЦЕВИНА 70
Глава 4
ПЕРСОНАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 89
Глава 5
КАТАСТРОФА ОТ ИЗОБИЛИЯ 105
Глава 6
ОДНОПРОЦЕНТНАЯ ЭКОНОМИКА 120
Глава 7
ПРОЗРАЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК 138
Глава 8
ЭПИЧНЫЙ ПРОВАЛ 155
Заключение
ОТВЕТ 174
Благодарности 190
Примечания 192
Об авторе 222

Предисловие к русскому изданию Андрея Чеглакова

Вы держите в руках перевод недавно вышедшей в США книги, которая будет понятна российскому читателю, поскольку для нас некоторые явления и процессы, описанные автором, — вчерашний или сегодняшний личный опыт. Да и написана она не одним из гонимых диссидентов-разоблачителей, таких как Джулиан Ассанж или Эдвард Сноуден, а успешным представителем американского интернет-сообщества Эндрю Кином.

Кин мастерски рассказал историю формирования современного интернет-пространства. О том, как приватизация и глобализация, по сути, породили «информационный коммунизм» не только в США, но и во всем мире. К сожалению, Всемирная паутина, создававшаяся американскими романтиками-учеными в союзе с госдеятелями-интеллектуалами для расширения доступа к знаниям, позже, по мнению автора, была приватизирована магнатами Силиконовой долины для извлечения сверхприбылей. Со временем этот союз монополий стал реальной властью, способной не только изменять жизнь конкретного человека, но и влиять на мировые процессы.

Если говорить о влиянии Интернета на человека, то автор, ссылаясь на мнение ученых, акцентирует внимание читателя на довольно распространенном мнении, что Интернет ломает культуру чтения, формируя клиповое мышление, разрушает грамотную речь, подменяя ее бездушными смайликами. Сеть устанавливает диктатуру народной самодеятельности, противопоставляя ее высокой культуре и подлинному искусству. И тут с Кином не поспоришь.

Для нас, русскоязычных читателей, книга Эндрю Кина еще и о России, если быть точнее — о том пространстве возможностей, в котором мы находимся. Она адресована нашим предпринимателям, государственным деятелям и рядовым пользователям Сети. «Ничего личного» показывает подробную картину раскола в лагере сегодняшних монополистов, в котором, как отмечает автор, уже началась борьба за передел собственности. Этот процесс затрагивает не только рядовых пользователей, но и мировых производителей информационных технологий.

Книга со всей очевидностью доказывает — сегодня анонимность в Сети — фикция. Обычный человек в Интернете абсолютно

не защищен ни программными антивирусами, ни государственными институтами. Игрушечный аватар бесправен. Именно этим пользуются олигархи Интернета, приватизируя, по мнению Кина, наше личное самовыражение и контент в социальных сетях.

Как следствие, российским пользователям нужны свои интернет-компании и интернет-инструменты, а также отечественная система интернет-монетизации. Кроме того, для защиты гражданских прав пользователей нужна собственная модель общественного регулирования Сети. Это огромный потенциальный рынок для отечественных предпринимателей, дающий новые рабочие места и способный раскрыть экспортный потенциал, направив денежные потоки на технологическую модернизацию.

По своей сути, это новое предложение миру. Вот только сможем ли мы поверить в такую возможность и реализовать ее? Умный, наблюдательный и ироничный Кин говорит: монополисты, которые сегодня владеют информационным пространством, «великие и ужасные вседержатели» и якобы «непревзойденные гении», — такие же люди, как и мы. Значит, получится и у нас.

Так что для профессионалов «Ничего личного» может стать сильнодействующим лекарством от депрессии как экономической, так и эмоциональной. Эта книга предлагает не только видение нашего возможного будущего, но и путь к нему.

Андрей Чеглаков,
лауреат Государственной премии РФ
в области науки и техники,
интернет-инвестор

Предисловие к русскому изданию Павла Хилова
Хищническая экономика, управляемая новой плутократией

Книга (которая, невзирая на объем более 200 страниц, читается на одном дыхании) ставит перед нами, читателями, вопросы, которые заставят каждого задуматься о роли Интернета в собственной жизни и жизни общества.

Во что превратился Интернет — в источник благ, новых возможностей и ценностей, свободы и демократии или в средство обогащения одних и разорения других, в неконтролируемый ни государствами, ни обществом инструмент разрушения экономических и общественных отношений?

«Ничего личного», безусловно, вызовет широкий читательский интерес и в нашей стране, где Интернет, как правило, воспринимается свободной от какого бы то ни было регулирования средой для потребления информации, услуг и товаров. У большинства российских пользователей отсутствует понимание того, что Интернет, став полноценной средой обитания человека, аналогом «офлайнового» мира, унаследовал и усилил не только его возможности, но и угрозы.

В виртуальном мире эти возможности и угрозы могут быть облечены в иную, иногда непривычную форму, и могут реализовываться гораздо стремительнее, чем в мире реальном, и приводить не всегда к предсказуемым последствиям как для отдельного человека, так и общества в целом.

Несмотря на масштабность этих угроз, им уделяется явно недостаточное внимание в научно-популярной литературе и средствах массовой информации.

Автор, будучи инсайдером и непосредственным участником «интернет-революции», хорошо осведомленным об игроках и движущих силах развития Интернета, а также профессиональным журналистом и писателем, на конкретных примерах показывает, что стоит за теми или иными событиями, действиями компаний и отдельных людей.

Легкий и выдержанный стиль, интеллигентная и неангажированная подача материала, колоссальный объем проанализированного материала — все это позволяет считать книгу Кина наиболее полным и объективным описанием современного состояния Интернета.

Павел Хилов,
руководитель Экспертного центра
электронного государства

Предисловие автора
ВОПРОС

Интернет, как утверждали его проповедники,— это всеобщий ответ. Ведь Интернет демократизирует добро и искореняет зло, создавая более открытый и равноправный мир. Чем больше людей присоединяется к Интернету, убеждают сии проповедники, в число которых входят миллиардеры из Кремниевой долины, маркетологи социальных медиа и сетевые идеалисты, тем больше ценности он создает для общества в целом и для каждого пользователя в отдельности. Они представляют Интернет магическим механизмом самоусиления, бесконечно укрепляющим положительную обратную связь к взаимной — экономической и культурной — выгоде миллиардов пользователей.

Но сегодня, когда Интернет расширяется, чтобы охватить своей сетью почти всё и вся на этой планете, становится очевидным, что обещания оказались ложными. Проповедники виртуального мира предлагают нам то же, что в Кремниевой долине именуют «полем искажения реальности», а точнее, совершенно ложную картину. Вместо взаимной выгоды мы, пользователи Сети, получили отрицательную обратную связь, став скорее жертвами, нежели выгодоприобретателями. И вместо того чтобы дать нам обещанный ответ, Интернет превратился в ключевой вопрос в нашем взаимосвязанном мире XXI в.

Чем больше мы используем цифровую сеть в ее нынешнем виде, тем меньше экономической ценности она создает. Вместо того чтобы способствовать продвижению экономической справедливости, как было обещано, Интернет служит основной причиной растущего разрыва между богатыми и бедными и эрозии среднего класса. Вместо того чтобы обогащать нас, распределенный капитализм новой сетевой экономики делает большинство из нас беднее. Вместо того чтобы создавать новые рабочие места, цифровая дезинтеграция стала главной причиной резкого роста структурной безработицы. А вместо усиления конкуренции породила новых безмерно мощных монополистов наподобие Google и Amazon.

Культурные последствия не менее пугают. Вместо того чтобы создавать открытость и прозрачность, Интернет плодит паноптикум инструментов слежения и сбора информации, где нас, пользователей крупных сетей передачи данных типа Facebook, продают в насквозь

прозрачной упаковке. Вместо дальнейшей демократизации Интернет насаждает власть толпы. Вместо того чтобы поощрять толерантность, Интернет развязал настолько мерзкую войну со слабым полом, что многих отвадил от сети. Вместо того чтобы способствовать всестороннему образованию, Интернет породил зацикленную на селфи культуру вуайеризма и нарциссизма и широкий спектр других психических расстройств. Вместо того чтобы расширять многообразие возможностей, Интернет по-крупному обогащает лишь кучку молодых белых мужчин в черных лимузинах. Вместо того чтобы нас осчастливить, Интернет все больше нас раздражает.

Нет, Интернет — это не ответ. По крайней мере, пока. А почему так происходит — объясняет данная книга, в которой синтезировано множество исследований экспертов вкупе с материалами из двух моих предыдущих книг об Интернете [1].

Введение

ЗДАНИЕ — ЭТО ПОСЛАНИЕ

«Сначала мы формируем наши здания, а потом наши здания формируют нас»,— выгравировано на черной мраморной плите рядом с входной дверью клуба The Battery в деловом центре Сан-Франциско. Надпись воспринимается как девиз клуба. Она служит напоминанием и, возможно, даже предупреждением посетителям о том, что и они будут «сформированы» этим запоминающимся зданием, чей порог они собираются переступить.

Разрекламированный в газете *San Francisco Chronicle* как «самый новаторский и крупный социальный эксперимент»[1], The Battery, безусловно, является амбициозным проектом. В 2008 г. двое успешных интернет-предпринимателей Майкл и Кзоши Бёрч продали созданную ими популярную социальную сеть Bebo компании AOL за $ 850 млн, в следующем году приобрели за $ 13,5 млн старое здание на Баттери-стрит, где раньше размещалась фабрика по производству инструментов для обработки мрамора Musto Steam Marble Mill, и вложили еще «десятки миллионов долларов»[2] в организацию здесь клуба по интересам. Как говорят супруги, они хотели создать клуб для людей — своего рода палату общин XXI в., где отвергается любая «статусность»[3], где его членам позволяется носить джинсы и худи (толстовки с капюшоном), а вход старой чванливой элите, которая «ходит на работу в строгих деловых костюмах»[4], закрыт. Этот инклюзивный социальный эксперимент Бёрчи назвали в духе отвязного лексикона Кремниевой долины «не-клубом» — местом открытого и равноправного общения, где должны быть разрушены все традиционные правила и с каждым посетителем будут обращаться одинаково, независимо от его положения в обществе или достатка.

«Мы — фанаты деревенского паба, где все знают друг друга,— придуривался Майкл Бёрч, которого друзья за его непобедимый оптимизм сравнивают с Уолтом Диснеем и Вилли Вонка. — А в городе деревенский паб может заменить частный клуб, где со временем все перезнакомятся и будут чувствовать себя как дома»[5].

Клуб «предлагает приватность», но о ни каком разделении на «имущих и неимущих» не может быть и речи, добавляет Кзоши Бёрч, вторя эгалитаристским идеям своего мужа. «Мы хотим разнообразия

во всех его проявлениях. Я слежу за этим, мы пытаемся формировать сообщество»[6].

Таким образом, The Battery задуман его создателями как антипод традиционному «клубу джентльменов», элитному собранию, куда допускались аристократы вроде Уинстона Черчилля. Однако именно Черчилль в октябре 1944 г. на церемонии открытия здания британской палаты общин, восстановленного после того, как бомбардировки германской авиации в мае 1941 г. «не оставили от него камня на камне», сказал вышеупомянутую фразу о том, что «сначала мы формируем наши здания, а потом наши здания формируют нас». И, как ни парадоксально, именно эти слова достопочтенного сэра Уинстона Леонарда Спенсера-Черчилля, сына виконта Ирландии и внука седьмого герцога Мальборо, были избраны девизом созданного в XXI в. «не-клуба», где заявляют об отрицании статусности и о поощрении разнообразия.

Будь Бёрчи более прозорливыми, они бы выгравировали у входа в свой клуб другое высказывание Уинстона Черчилля, а именно сделанное им остроумное замечание в духе Марка Твена о том, что «ложь успевает обойти полмира, пока правда надевает штаны»[7]. Но в этом и заключается вся проблема. Несмотря на то что они изготавливают инструменты для нашего цифрового будущего, Майкл и Кзоши Бёрч не обладают прозорливостью. И правда о «не-клубе» The Battery — независимо от того, была ли у нее возможность надеть джинсы или нет,— состоит в том, что исполненные благих намерений, но ведомые заблуждениями Бёрчи неумышленно создали одно из наименее разнообразных и самых привилегированных мест на планете.

У выдающегося медиагуру XX в. Маршалла Маклюэна, который, в отличие от Бёрчей, обладал даром предвидения, есть знаменитое изречение: «Средство передачи сообщения само является сообщением». Перестроенное здание бывшей фабрики на Баттери-стрит в деловом центре Сан-Франциско — это тоже сообщение. Внушающее глубокую тревогу сообщение о вопиющих неравенстве и несправедливости в нашем новом сетевом обществе. The Battery скорее неправда, чем «не-клуб».

Несмотря на вольный дресс-код и самопровозглашенную приверженность культурному разнообразию, The Battery в роскоши нисколько не уступает отделанным мрамором домам нуворишей Сан-Франциско, построенным в XIX в. От прежнего здания Musto остались только плита из черного мрамора на входе в клуб и старая кирпичная кладка, которая была тщательно отреставрирована и выставлена напоказ как элемент интерьера. В обслуживающем персонале клуба занято 200 человек, общая площадь пятиэтажного здания составляет около 5400 кв. м, а внутри его находятся: уникальная подвесная лестница из стали весом почти 10,5 т; стеклянный лифт; хрустальная люстра высотой в 2,5 м; рестораны, где подают деликатесы наподобие мраморной говядины вагю с копченым тофу и грибами шимеджи; оборудованное по последнему слову техники джакузи на 20 персон; потайная комната для игры в покер, спрятанная за книжным шкафом;

винный погреб на 3000 бутылок с уникальным потолком, составленным из старинных бутылей; «зверинец» из набитых чучел и отель на 14 номеров категории люкс, увенчанный застекленным пентхаусом с панорамными видами на залив Сан-Франциско.

Для подавляющего большинства жителей Сан-Франциско, которым вряд ли когда-нибудь удастся переступить порог данного клуба, этот социальный эксперимент является не таким уж социальным. Вместо публичной палаты общин Бёрчи создали приватизированную палату лордов, закрытый увеселительный дворец для цифровой аристократии, составляющей в нашем расслоенном сетевом обществе привилегированную долю в 1 %. Вместо деревенского паба они создали реальную версию «аббатства Даунтон» — символа феодальных привилегий и излишеств, воссозданного в одноименном ностальгическом британском сериале.

Если бы Черчилль присоединился к социальному эксперименту четы Бёрч, он бы оказался среди самых богатых и с наибольшими связями людей в мире. Открытие клуба состоялось в октябре 2013 г., и эксклюзивный список его членов-учредителей вызывал в памяти так называемый «Новый истеблишмент», по определению журнала *Vanity Fair*: там был и генеральный директор Instagram Кевин Систром, и бывший президент Facebook Шон Паркер, и преуспевающий интернет-предприниматель Тревор Траина, владелец самого дорогого дома в Сан-Франциско, особняка стоимостью $ 35 млн в «районе миллиардеров»[8].

Разумеется, можно высмеивать «не-клуб» и неудачный социальный эксперимент Бёрчей, но, к сожалению, это вовсе не так смешно. «Главная проблема заключается в том,— считает Энис Гросс из журнала *New Yorker*,— что сам Сан-Франциско превращается в частный клуб только для избранных — богатых предпринимателей и венчурных капиталистов»[9]. Другими словами, The Battery, как и его потайная комната для покера,— это частный клуб только для избранных внутри частного клуба только для избранных. Он воплощает в себе то, что обозреватель газеты *New York Times* Тимоти Иган назвал «антиутопией залива Сан-Франциско» — «одномерного города, предназначенного только для 1 % избранных», и наглядную аллегорию того, как «богатые изменили Америку к худшему»[10].

«Одномерный» клуб Бёрчей площадью около 5400 кв. м как нельзя лучше иллюстрирует обостряющееся экономическое неравенство в районе залива Сан-Франциско. Но в реальности проблема куда больше, чем невидимая стена, отделяющая немногих «имущих» горожан от многих «неимущих», включая более 5000 бездомных. Если The Battery — это крупнейший эксперимент в масштабах Сан-Франциско, то весь остальной мир по эту сторону тонированных стекол клуба стал площадкой для куда более дерзкого социально-экономического эксперимента.

Этот эксперимент поставлен сетевым обществом. «Самая значимая из происшедших в XXI в. революций носит неполитический характер.

Это революция в сфере информационных технологий»,— объясняет профессор политологии Кембриджского университета Дэвид Рансиман[11]. Мы вступаем в неведомый мир — перенасыщенный данными, который британский писатель Джон Ланчестер называет «новым видом человеческого общества»[12]. «Единственная важнейшая тенденция в современном мире — это выход глобализации и информационно-технологической революции на совершенно новый уровень»,— добавляет обозреватель *New York Times* Томас Фридман. Благодаря облачным обработкам данных, робототехнике, Facebook, Google, LinkedIn, Twitter, айпадам и дешевым смартфонам с доступом в Интернет, утверждает Фридман, «мир перешел от подключенности к гиперподключенности»[13].

Рансиман, Ланчестер и Фридман говорят об одном и том же феномене фундаментальной экономической, культурной и прежде всего интеллектуальной трансформации. «Интернет, — отмечает Джой Ито, глава медиалаборатории Массачусетского технологического института (MIT),— это не технология, а система убеждений»[14]. Всё и вся вовлечено в сетевую революцию, сокрушающую каждую сферу современного мира. Образование, транспорт, здравоохранение, финансы, ритейл и производство в настоящее время перестраиваются под воздействием интернет-продуктов, таких как самоуправляемые автомобили, носимые девайсы, 3D-принтеры, персональные мониторы здоровья, массовые открытые онлайн-курсы (MOOC), равноправные сервисы наподобие Airbnb и Uber, электронные деньги типа Bitcoin и т.п. Предприниматели-революционеры, такие как Шон Паркер и Кевин Систром, строят это сетевое общество от нашего имени. Разумеется, не спросив нашего разрешения. Впрочем, сама мысль о том, чтобы получить разрешение, представляется чуждой и даже аморальной для многих из этих творцов нашей «либертарианской эпохи», как ее называет историк Марк Лилла, профессор Колумбийского университета.

«Согласно либертарианской догме нашего времени,— говорит Лилла,— нужно перевернуть нашу политику, экономику и культуру с ног на голову»[15]. Это действительно так. Но истинная догма нашей либертарианской эпохи заключается в гламуризации перевернутого положения вещей, в отрицании самой идеи «разрешения», в установлении культа низвержения основ. Алексис Оганян, один из создателей социального новостного сайта Reddit, объявившего себя «первой страницей Интернета» и в одном только 2013 г. набравшего более 56 млрд просмотров своих 40 млн страниц неотредактированного контента, созданного 3 млн его подписчиков[16], даже написал манифест против разрешений. В своей книге «Без их разрешения» (Without Their Permission)[17] Оганян заявляет, что XXI в. будет «строиться», а не «управляться» предпринимателями вроде него, которые будут использовать разрушительные свойства Интернета во благо людей. Но подобно большей части контента в Интернете, порожденного и произведенного сборищем пользователей, Reddit представляет собой весьма сомнительную ценность для общественного блага. Например, самая

популярная серия постов на сайте в 2013 г. была вызвана несанкционированной и ошибочной идентификацией террориста, устроившего взрыв во время Бостонского марафона. Эта медвежья услуга, по оценке журнала *Atlantic*, обернулась «дезинформационной катастрофой»[18].

Как и «не-клуб» Майкла и Кзоши Бёрч, Интернет рисуется нам наивными предпринимателями как территория разнообразия, открытости и равноправия — освобожденная от традиций и облегчающая доступ к социальным и экономическим возможностям. Такое видение Интернета воплощает в себе то, что Марк Лилла называет «новой разновидностью гибриса»* в нашу либертарианскую эпоху с ее верой в «святую Троицу» — демократию, свободный рынок и индивидуализм[19].

Такое искаженное представление об Интернете типично для Кремниевой долины, где обогащение приравнивается к благодеянию, а такие компании-разрушители, как Google, Facebook и Uber, прославляются за уничтожение ими архаичных правил и институтов якобы во благо общества. Например, Google до сих пор с гордостью именует себя «не-компанией» — корпорацией без традиционных структур власти, вопреки тому что по состоянию на июнь 2014 г. этот левиафан оценивался в $ 400 млрд и считался второй по стоимости компанией в мире. Google активно и порой весьма агрессивно действует в таких разных отраслях, как онлайновый поиск, реклама, издательское дело, искусственный интеллект, службы новостей, мобильные операционные системы, носимые девайсы, интернет-браузеры, видеоиндустрия и даже — со своими новоявленными самоуправляемыми автомобилями — автомобилестроение.

В цифровой сфере модно быть «не-бизнесом». Amazon, крупнейший интернет-магазин в мире и печально известный обидчик небольших издательских компаний, по-прежнему считает себя внесистемным «не-магазином». Интернет-компании, такие как принадлежащий Amazon обувной интернет-магазин Zappos и онлайн-журнал Medium, созданный основателем Twitter миллиардером Эвом Уильямсом, управляются на основе так называемых холакратических принципов — своего рода коммунистической доктрины в интерпретации Кремниевой долины, где полностью искоренена любая иерархия, за исключением, разумеется, тех случаев, когда речь идет о зарплатах и владении акциями. Могущественный интернет-издатель Тим О'Рейли организует «не-конференции» — в уединенных пристанищах под названием «Лагерь друзей О'Рейли», где формально никто ни за что не отвечает, а повестка дня определяется самими участниками, т.е. тщательно отобранной группой богатых молодых белых технарей мужского пола. Однако правда заключается в том, что и клуб четы Бёрч с его винным погребом на 3000 бутылок и уникальным потолком,

---

* *Гибрис* — в античной традиции ощущение беспредельного собственного превосходства и вседозволенности, за которым неизменно следует немезис (возмездие). — *Прим. пер.*

сложенным из старых бутылей, и могущественные и богатые транснациональные корпорации, такие как Google и Amazon, и эксклюзивно «открытые» мероприятия для новой элиты наподобие «Лагеря друзей О'Рейли» вовсе не так революционны, какими они хотели бы предстать в наших глазах. Кремниевая долина, может, и производит «новое цифровое вино», но, когда дело доходит до власти и богатства, это вино отдает хорошо знакомым душком вопиющего лицемерия, которое человечество много раз отведывало в течение своей истории.

«Будущее уже наступило, просто оно не очень равномерно распределено»,— сказал однажды писатель-фантаст Уильям Гибсон. Это неравномерно распределенное будущее и есть сетевое общество. В современном цифровом эксперименте мир превращается в жестко расслоенное общество, где победитель получает все. Это сетевое будущее характеризуется поразительно неравномерным распределением экономических благ и власти почти в каждой отрасли, куда вторгся Интернет. По словам социолога Зейнеп Туфекчи, такое неравенство стало следствием «одного из самых масштабных перераспределений власти между людьми и крупными институтами, возможно, самого значительного в XXI веке»[20]. Как и в The Battery, данный процесс преподносится в тех же оптимистичных тонах всеобщей вовлеченности (инклюзивности), прозрачности и открытости; но, как и пятиэтажный дворец увеселений, этот новый мир в действительности предназначен для избранных (эксклюзивен), непрозрачен и неравноправен. Вместо предоставления общественных услуг архитекторы будущего из Кремниевой долины строят приватизированную сетевую экономику, общество, где ущемляются интересы практически всех, за исключением его могущественных и богатых владельцев. Как и The Battery, Интернет с его пустыми обещаниями сделать наш мир справедливее — с бóльшим числом возможностей для бóльшего числа людей — непреднамеренно сделал его менее равноправным и ухудшил, а не улучшил ситуацию с занятостью и общее экономическое благосостояние.

Разумеется, Интернет несет не только зло, но и добро. Он подарил обществу и людям огромные блага, особенно в виде возможности общаться с родственниками, друзьями и коллегами по всему миру. Согласно отчету исследовательского центра Pew за 2014 г., 90% американцев считают, что Сеть принесла пользу лично им, а 76% уверены, что и обществу в целом[21]. Действительно, личная жизнь у большинства трехмиллиардной (по оценкам) аудитории пользователей Интернета, составляющей более 40% населения мира, коренным образом изменилась благодаря появлению таких невероятно удобных интернет-инструментов, как электронная почта, социальные медиа, электронная коммерция и мобильные приложения. Да, все мы полагаемся на постоянно уменьшающиеся и постоянно усиливающиеся мобильные устройства и даже возлюбили их. Да, Интернет сыграл важную и в целом позитивную роль в организации политических движений по всему миру, таких как «Оккупай» в Соединенных Штатах

или инициируемые через сетевые сообщества общественные движения за реформы в России, Турции, Египте и Бразилии. Да, Интернет — с его «Википедией», Twitter, Google, превосходными сайтами газет, издаваемых на профессиональном уровне, таких как *New York Times* или *Guardian*,— может, если используется критически, служить мощным источником просвещения. Я сам вряд ли бы написал эту книгу, не будь у меня чудес в виде электронной почты и Сети. Да, у мобильного Интернета огромный потенциал для того, чтобы радикально изменить жизнь двух с половиной миллиардов новых пользователей, которые, согласно оценкам шведского оператора мобильной связи Ericsson, присоединятся к Сети к 2018 г. И, да, индустрия мобильных приложений уже начала генерировать инновационные решения для некоторых из наиболее распространенных проблем на планете,— например составление карты источников чистой воды в Кении или обеспечение доступа к кредитам для предпринимателей в Индии[22].

Но цель этой книги — показать, как скрытые негативные стороны Интернета перевешивают его очевидные плюсы, а 76% американцев, считающих, что Интернет приносит пользу обществу, могут просто не видеть картины в целом. Взять хотя бы сетевую приватность — она чаще всего подвергается опасности в мире «больших данных», создаваемом Интернетом. Если Сан-Франциско в районе залива уже превратился в «антиутопию», то Интернет быстро превращается в сетевую антиутопию.

«Мы — фанаты деревенского паба, где все знают друг друга»,— заявляет Майкл Бёрч. Однако наше сетевое общество — провидец Маршалл Маклюэн назвал его «глобальной деревней», где мы вернемся к устной традиции дописьменной эпохи,— уже стало тесным деревенским пабом, пугающей своей прозрачностью деревенской общиной, где не осталось места тайнам и анонимности. Все заинтересованные игроки, начиная с Агентства национальной безопасности и заканчивая компаниями по обработке данных в Кремниевой долине, кажется, уже знают о каждом из нас всё. Особенно хорошо нас знают такие интернет-компании, как Google и Facebook,— даже наше сокровенное знают лучше нас, чем с гордостью похваляются.

Неудивительно, что Кзоши Бёрч предлагает привилегированным, состоятельным членам своего клуба «приватность» — защиту от кишащего данными мира за стенами The Battery. В эпоху «Интернета всего» (“Internet of Everything”), омраченную постоянным слежением со стороны растущей разведывательной сети,— в будущем с его умными автомобилями, умной одеждой, умными городами и умными разведывательными сетями — пожалуй, только члены The Battery смогут позволить себе жить за пределами этой залитой светом деревни, где ничего нельзя скрыть или предать забвению и где, как утверждает эксперт по данным Джулия Энгвин, приватность в онлайне уже стала «предметом роскоши»[23].

Уинстон Черчилль был прав. Мы действительно придаем форму нашим зданиям, после чего эти здания начинают придавать форму

нам. Прозорливый канадский эколог масс-медиа Маршалл Маклюэн слегка перефразировал эти слова Черчилля, сказанные им в 1944 г., выразив его мысль в более актуальной для нашей сетевой эпохи форме: «Сначала мы формируем технологии, а потом технологии формируют нас»[24]. Маклюэн умер в 1980 г., за девять лет до того, как молодой английский физик по имени Тим Бернерс-Ли изобрел Всемирную паутину. Но Маклюэн правильно предсказал, что электронные средства коммуникации изменят наш мир так же глубоко, как в XV в. изменил его Иоганн Гутенберг изобретенным им печатным станком. Эти электронные инструменты, согласно прогнозам Маклюэна, заменят разделяющую на «верхи» и «низы» прямолинейную технологию индустриального общества распределенной электронной сетью, которая формируется непрерывными информационными петлями обратной связи. «Мы становимся тем, что мы видим»,— предсказывал Маклюэн[25]. И эти электронные сетевые инструменты, предостерегал он, могут нас полностью «перемонтировать», что грозит нам невольно превратиться из их хозяев в их рабов.

Сегодня, когда Интернет перестраивает наше общество, слова, выгравированные на черной мраморной плите у входа в The Battery, обращены к каждому из нас, звуча как отрезвляющее введение в крупнейший социально-экономический эксперимент нашего времени. Все мы — от университетских профессоров, фотографов, корпоративных юристов, заводских рабочих до водителей такси, модельеров одежды, владельцев гостиниц, музыкантов, ритейлеров — беззащитны перед опустошительными последствиями этого сетевого переворота. Он изменяет все.

Темпы этих изменений в нашу либертарианскую эпоху просто ошеломляют и настолько стремительны, что большинство из нас, хотя и наслаждаются благами Интернета, глубоко встревожены бурным натиском его «системы убеждений» на наше общество. Под лозунгом «без их разрешения» предприниматели наподобие Алексиса Оганяна восхваляют новую «подрывную» экономику, позволяющую паре сообразительных парней в комнате студенческого общежития подорвать основы целой отрасли, обеспечивающей работой сотни тысяч человек. «Только с нашего разрешения»,— говорю я. Сегодня, когда все мы вступаем в этот новый отважный цифровой мир, наша задача — сформировать наши сетевые инструменты, прежде чем они сформируют нас.

Глава 1
СЕТЬ

СЕТЕВОЕ ОБЩЕСТВО

Стена была усеяна созвездием мигающих лампочек, соединенных между собой запутанной паутиной синих, розовых и фиолетовых линий. Это было похоже на снимок Вселенной с ее калейдоскопом сияющих звезд, закручивающихся в спиралевидные галактики. В некотором роде это и была вселенная, но только не та, что на небесном своде, а графическое изображение вселенной сетевого мира XXI в.

Я находился в Стокгольме, в глобальной штаб-квартире компании Ericsson, крупнейшего в мире поставщика оборудования для сетей беспроводной связи интернет-провайдерам и телекоммуникационным компаниям, таким как AT&T, Deutsche Telekom и Telefonica. Ericsson была основана в 1876 г. шведским инженером Ларсом Магнусом Эрикссоном как мастерская по ремонту телеграфного оборудования. По состоянию на конец 2013 г. в ней работали 114 340 человек, а глобальный доход в 180 странах мира превысил $ 35 млрд. Я прибыл сюда, чтобы встретиться с Патриком Сервалем, главой исследовательского отдела Ericsson, занимающегося анализом тенденций в «сетевом обществе». Команда исследователей под его началом только что выпустила очередной ежегодный «Отчет о мобильности» (Mobility Report), в котором представила свою точку зрения на состояние дел в мировой индустрии мобильной связи. Но, дожидаясь в холле начала нашей встречи с Сервалем, я не мог оторвать глаз от хаотического переплетения узловых коммуникаций Ericsson.

Карта, созданная шведским художником-графиком Йонасом Линдвистом, показывала локальные сети и офисы Ericsson по всему миру. Линдвист соединил города спиральными линиями, чтобы передать ощущение вечного движения. «Связь нелинейна,— объяснил он мне свое произведение. — Она устанавливается случайно и хаотично». Создавалось впечатление, что каждая узловая точка на карте, как бы далеко она ни находилась, соединена со всеми другими. За исключением символического центра в виде Стокгольма, вся карта была одинаково равномерной. В ней не наблюдалось никакой иерархии, никакого организующего принципа. Карта не признавала ни времени, ни пространства, соединяя города в таких разбросанных по земному шару странах, как Панама, Гвинея-Бисау, Перу, Сербия, Замбия,

Эстония, Колумбия, Коста-Рика, Бахрейн, Болгария, Гана… Мир был перерисован в виде распределенной сети.

Встреча с Патриком Сервалем подтвердила факт поразительной вездесущности мобильного Интернета. Каждый год его команда выпускает исчерпывающий отчет о состоянии мобильных сетей. В 2013 г., сказал мне Серваль, было продано в общей сложности 1,7 млрд подписок на мобильный широкополосный доступ в Интернет, причем 50% мобильных телефонов, купленных в том же году, составили смартфоны с доступом в Интернет. К 2018 г., согласно отчету аналитиков Ericsson, количество подписок на мобильный широкополосный доступ вырастет до 4,5 млрд, причем бóльшая часть из этих 2,8 млрд новых подключений придется на Ближний Восток, Азию и Африку[1]. Таким образом, к 2018 г. более 60% мирового населения численностью свыше 7 млрд человек будет подключено к Интернету. А учитывая резкое снижение стоимости смартфонов (ожидается, что цены на качественные устройства мобильной связи упадут ниже $50)[2] и поразительную статистику из доклада ООН, согласно которой во всем мире гораздо больше людей имеют мобильные телефоны (6 млрд), чем доступ к смывным туалетам (4,5 млрд)[3], разумно предположить, что к середине 2020-х гг. подавляющее большинство взрослых людей на планете будут носить в своих карманах мощный компьютер, подключенный к Сети.

«Интернет всего» охватит не только людей, но и вещи. Согласно тому же отчету аналитиков Ericsson, к 2020 г. к Сети будет подключено 50 млрд умных девайсов[4]. Дома, автомобили, дороги, офисы, потребительские товары, одежда, медицинские приборы, электросети и даже промышленное оборудование наподобие инструментов для обработки мрамора, некогда производимых на фабрике Musto Steam Marble Mill, будут подключены к так называемому «Интернету вещей». Количество активных сотовых устройств межмашинной связи с 2014 по 2019 г. вырастет в три-четыре раза. «Физический мир,— подтверждает доклад агентства McKinsey,— постепенно превращается в разновидность информационной системы»[5].

Экономика нового сетевого общества уже ошеломляет. В другом докладе McKinsey (2011) говорится, что оборот в сфере электронной коммерции в 13 самых индустриально развитых странах мира составил порядка $8 трлн. Если выделить Интернет в отдельный сектор экономики, отмечается в том же докладе, его доля в мировом валовом внутреннем продукте в 2009 г. составила бы 3,4%, что больше, чем у секторов образования (3%), сельского хозяйства (2,2%) и коммунальных услуг (2,1%). А в самой Швеции этот показатель был бы почти в два раза больше, т.е. в одном только 2009 г. Интернет обеспечил стране 6,3% ее ВВП[6].

Если бы Йонас Линдвист на своей графической карте буквально воспроизвел сегодняшнее сетевое общество, она бы напоминала картину пуантилистов. Изображения составили бы столько миллиардов точек, что для невооруженного глаза они сливались бы воедино. Все, что

может быть подключено, уже подключено, а количество производимых онлайн данных уму непостижимо. Например, в 2014 г. каждую минуту 3 млрд интернет-пользователей по всему миру отправляли 204 млн электронных сообщений, закачивали 72 ч нового видео на YouTube, делали более 4 млн поисковых запросов на Google, делились 2 460 000 постами на Facebook, скачивали 48 000 приложений Apple, тратили $ 83 000 на Amazon, писали 277 000 твитов и размещали 216 000 новых фотографий в Instagram[7]. Мы привыкли говорить о «нью-йоркской минуте»*, но, по сравнению с сегодняшней «интернет-минутой» в глобальной деревне Маршалла Маклюэна, Нью-Йорк кажется сонным хутором, где жизнь течет с черепашьей скоростью.

Сегодня уже трудно представить, особенно так называемым цифровым аборигенам, привыкшим воспринимать сетевые инструменты Интернета как должное, что мир не всегда был информационной системой, насыщенной данными. Всего три четверти века назад, в мае 1941 г., когда немецкие бомбардировщики не оставили камня на камне от британской палаты общин, никто и ничто не было соединено в Сети. Не существовало и цифровых устройств, способных взаимодействовать друг с другом, не говоря уже о Twitter или Instagram, непрерывно подпитываемых в режиме реального времени и не выпускающих нас из электронной информационной петли.

Так как же мы прошли путь от нуля к нынешним миллиардам и миллиардам подключений людей и вещей? Где кроются истоки Интернета?

ПРАРОДИТЕЛИ ИНТЕРНЕТА

Все началось с тех самых немецких бомбардировщиков люфтваффе, летавших со скоростью 400 км/ч на высоте почти 10 км над Лондоном в начале Второй мировой войны. В 1940 г. эксцентричный профессор математики MIT по имени Норберт Винер, «первый компьютерный гик», как назвала его *New York Times*[8], занялся разработкой системы, которая позволила бы отслеживать перемещение немецких самолетов, господствовавших в небе над Британией. Сын еврейских иммигрантов из польского городка Белосток, Винер был настолько одержим желанием применить свои научные знания в войне против Германии, что ему даже пришлось обратиться за помощью к психоаналитикам, чтобы взять под контроль свои навязчивые антинацистские настроения[9]. Технологии могут работать на благо людей, был убежден Винер. И даже могут помочь разгромить Гитлера.

Математический вундеркинд Винер окончил Университет Тафтса в возрасте 14 лет, а в 17 уже получил докторскую степень в Гарвардском университете, после чего работал вместе с Бертраном Расселом в Кембридже. Затем в MIT он присоединился к новаторской

---

* Мгновение, предельно краткий период времени, равный миганию глаза или сокращению сердца (сленг). — *Прим. ред.*

группе ученых-технологов, в которую также входили инженер-электротехник и научный администратор Вэнивар Буш и психолог Дж. К. Р. Ликлайдер. Не до конца осознавая, что они делают, эти люди создали многие из ключевых принципов сегодняшнего сетевого общества. Что отличало их, особенно Винера, так это смелый интеллектуальный эклектицизм. Дерзко нарушая границы между традиционными научными дисциплинами, ученые смогли представить и даже в определенной степени создать наше подключенное будущее.

«Начиная с 1920-х гг. MIT все больше притягивал самых одаренных и лучших ученых и инженеров Америки. В середине века институт превратился в бурлящий котел идей касательно информации, вычислительной техники, коммуникаций и управления,— пишет историк Интернета Джон Нотон. — Но когда мы углубляемся в поиски истоков Интернета, неизменно всплывают три имени — Вэнивара Буша, Норберта Винера и Дж. К. Р. Ликлайдера»[10].

[24] В 1930-е гг. Винер входил в команду, занимавшуюся разработкой «дифференциального анализатора» Вэнивара Буша — электромагнитного аналогового компьютера, представлявшего собой 100-тонное устройство, собранное из дисков, валов, колес и шестерней с целью решения дифференциальных уравнений. А в 1941 г. Винер представил Бушу даже прототип цифрового компьютера, за пять лет до создания первого в мире действующего цифрового устройства Electronic Numerical Integrator and Computer (ENIAC) — электронного числового интегратора и вычислителя площадью 167 кв. м и стоимостью $ 500 000, созданного на деньги армии США и названного в прессе «гигантским мозгом».

Но после того как осенью 1940 г. немецкая авиация подвергла Лондон массированной бомбардировке, Винер стал буквально одержим идеей борьбы с люфтваффе. И не он один. Президент США Франклин Делано Рузвельт считал, что именно подавляющее превосходство германских ВВС обусловило политику умиротворения, которую Британия проводила в отношении Гитлера на Мюнхенской конференции 1938 г. Поэтому Рузвельт не только поручил своим военным строить по 10 000 самолетов в год, но и создал Национальный исследовательский комитет обороны США, который возглавил Вэнивар Буш, ставший к тому времени главным советником по науке при президенте. В задачи комитета входило налаживание более тесного сотрудничества между правительством США и 6000 ведущих ученых-исследователей страны.

Еще будучи деканом Инженерной школы MIT, Буш организовал «Радиационную лабораторию», представлявшую собой группу исследователей, решивших выяснить, как помочь зенитной артиллерии отслеживать и уничтожать немецкие бомбардировщики в небе над Лондоном. Понимая, что компьютеры обладают большим потенциалом, чем простые вычислительные машины, Винер рассмотрел эту задачу как информационную систему и изобрел устройство для прогнозирования траектории полета, работавшее на основе непрерывного потока информации между зенитным орудием и его оператором.

Так ученый-универсал, интересующийся биологией, философией и математикой, по счастливому стечению обстоятельств наткнулся на новую науку — науку об управлении и связи. В своей знаменитой книге, написанной в 1948 г., Винер назвал эту науку «кибернетикой»[11], и его новая теория коммуникации оказала глубочайшее влияние на все, что происходило в этой сфере в дальнейшем,— от идеи информационных петель Маршалла Маклюэна и труда Дж. К. Р. Ликлайдера «Симбиоз человека и компьютера» до поисковой системы Google и развития искусственного интеллекта. В те времена еще не существовало электронной коммуникационной сети, однако идея самокорректирующейся информационной системы, построенной на взаимодействии между человеком и машиной,— «системы почти естественной красоты, непрерывно корректирующей свои ошибки через обратную связь с окружающей средой», как описал ее аналитик технологий Джеймс Харкин[12],— родилась вместе с принципиально новой машиной для прогнозирования траектории полета Норберта Винера.

В то время как Винер решал техническую задачу извлечения смысла из ограниченной информации, Вэнивар Буш был обеспокоен ее переизбытком. В сентябре 1945 г. он опубликовал в журнале *Atlantic Monthly* статью под названием «Как мы можем мыслить». В ней Буш попытался ответить на вопрос, чем должны заняться ученые в послевоенную эпоху. Вместо того чтобы изобретать «необыкновенные разрушительные устройства», он призвал американских ученых создавать мыслящие машины, которые обогатят человечество знаниями.

После выхода этой эпохальной статьи журналы *Time* и *Life* назвали ее главным газетным материалом того времени, а редактор *Atlantic Monthly* сравнил ее по исторической значимости с культовой речью Эмерсона «Американский ученый» (1837). В своем эссе Буш нарисовал прообраз информационной сети, поразительно напоминающей нынешнюю Всемирную паутину. Он утверждал, что главной проблемой, стоящей перед американскими учеными в 1945 г., было создание инструментов для новой информационной эры. По его словам, современная медиаиндустрия, включающая радио, книги, газеты и фотографию, создает не поддающиеся усвоению массивы информации. У нас слишком много данных и слишком мало времени, считал он, высвечивая таким образом проблему, которую современные исследователи Интернета, например Майкл Гольдхабер, называют «экономикой внимания».

«Накопление человеческих знаний происходит стремительными темпами,— объяснял Буш. — И при этом средства, которые мы используем для того, чтобы проложить путь в лабиринте материалов к нужной нам в данный момент информации, остаются такими же, как во времена кораблей с четырехугольными парусами»[13].

В основе видения Буша находилась сеть интеллектуальных каналов. «Процесс построения связи между двумя единицами информации очень важен» — так объяснял он свою идею организации контента на основе того, что называл «тропами», которые, подчеркивал он,

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине «Электронный универс»
(e-Univers.ru)